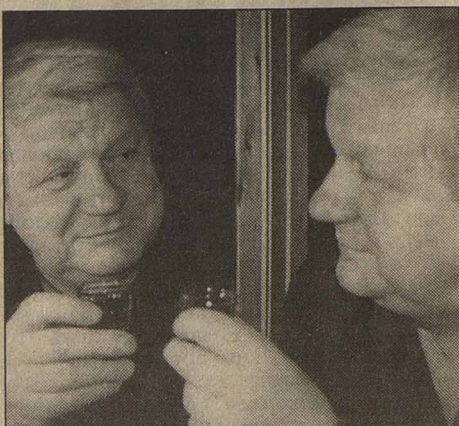

Экран 4 сцен. - 1998. -
июнь (~ 24.) - 916

Юрий Мажуга: “Интересней всего для меня репетиция”

С 25 июня по 5 июля будет гастролировать киевский Национальный Академический театр русской драмы имени Леси Украинки. А короче – просто киевский театр русской драмы. В этом театре работали Эмилия Мильтон, Любовь Добржанская, Нонна Терентьева, Михаил Романов, Вячеслав Езепов, Юрий Сергеевич Лавров и Кирилл Юрьевич Лавров, Олег Борисов, Павел Луспекаев. До 1994 года в театре работала Ада Роговцева.

В Москве киевляне не были с 1981 года. Тогда большие гастроли прошли с бешеным успехом. На этот раз театр покажет большую часть своего репертуара. В одном из спектаклей москвичи встретятся со своими любимцами: Валерией Заклунной и Юрием Мажугой. Кинозрителям Юрий Мажуга особенно запомнился по ролям в картинах “Рожденная революцией” (Санько), “Красные дипкурьеры” (Есаул), “Трест, который лопнул” (Билл Хамбл), “Неудобный человек” (Начальник треста) и многим другим. Когда мы встретились с Юрием Николаевичем, я обратила внимание на его руки и подумала: “Это редкость у актера – руки настоящего мужчины: огромная ладонь, пальцы, которые хорошо знают молоток и пилу, и много чего умеют. И какая нестандартная, неактерская внешность у Юрия Мажуги”.

– Юрий Николаевич, волнуетесь перед гастроллями в Москве?

– Конечно. Очень волнуюсь. Для меня Москва – всегда большой экзамен. Из репертуара, который мы привезем, я буду играть в спектакле “С вами опасно иметь дело” – так мы назвали знаменитую арбузовскую пьесу “Старомодная комедия”. Эту историю мы играем без антракта вдвоем с Валерией Заклунной.

– Снимаетесь вы сейчас в кино?

– Нет. На Украине ведь сейчас кино почти что не снимается – денег нет.

– Да, на киностудии Довженко в запуске всего две картины. Одну из них снимает Григорий Кохан, у которого вы снялись в многосерийной ленте “Рожденная революцией”.

– Да, в этой картине я сыграл Санько – эту роль я про себя прозвал “маленький Чапаев”, это моя визитная карточка. Во всех гостиницах меня звали только “Санько”, хотя роль и небольшая. Вообще, я очень много снимался в кино, но если задуматься – какая из них любимая, то я понимаю, что все время лишь мечтал о любимой работе. Тогда мне очень хотелось сыграть такого... хозяйственника, настоящего председателя колхоза, а может быть, какого-нибудь русского помещика или промышленника. А сейчас, сейчас у меня много работы в театре, я ведь прежде всего театральный актер, и вот уже 45 лет играю там, где начинал.

– То есть вы работали с Олегом Борисовым, Павлом Луспекаевым.

– Да, с Олегом у нас были очень теплые отношения, мы часто на гастролях жили в одном гостиничном номере. А с Пашей мы были просто очень дружны. Он был такой яркий, сочный, заводной. У нас-то он совсем недолго проработал, его забрал к себе Товстоногов. Сколько было застолий. Помню, как после спектакля “Второе дыхание” мы все, мужики, решили это дело отметить, заехали в гастроном, купили “московской” колбасы, коньяку, еще какой-то снели. Тормознули огромный грузовик, забрались в кузов со всеми нашими кулками и помчались выпивать. А был такой холодный морозный день, и мы стояли на этом грузовике, как на танчанке, и мчались вниз по Крещатику, расставив ноги и раскинув руки, что-то не то крича, не то напевая. Паша был огромный актереши. Он был чрезвычайно открытым и очень добрым человеком, всегда был готов прийти на помощь, и отдавал всего себя людям, будь то зрители или коллеги, друзья. Он был очень сильным и стойким человеком. Мы навещали его в больнице, когда случилась вся эта история с ногами. Он был абсолютно спокоен, шутил, но мы знали, что каждый день он преодолевает чудовищные боли. Я же знаю – на “что” он ступал, когда снимался в “Белом солнце пустыни”.

– Кто ваши друзья сегодня?

– Понимаете, с возрастом друзья уходят. Я имею в виду не только “уходят из жизни”. Как-то ты все больше остаешься один, по разным причинам – я люблю одиночество. У меня есть двое друзей, актеров нашего театра, с которыми я бываю откровенен, мы перезваниваемся. А потом у меня очень хорошие отношения с Лерой Заклунной, Ларисой Кадочниковой (у меня дома висят ее прекрасные картины).

– А что вас может вывести из себя? Чего вы в людях на дух не переносите?

– Я могу выйти из себя, еще как. Понимаете, я трепетно отношусь к своей профессии. В этом смысле я максималист, и в своих учеников стараюсь вложить именно такое отношение к нашей профессии. Я не переношу халтуры, недоброкачественности в работе, и если вижу это, или чую – вот здесь

могу не просто взорваться, а дойти даже до грубых слов. Однажды на спектакле, во время моей сцены, не случился пожар, который должен был быть, а дальше у меня не только текст завязан уже на пожаре, но и само действие. В общем, конечно, мы выкрутились, но когда я вышел за кулисы, сказал, что всех поубиваю.

Я не терплю, когда коллеги долго не могут выучить текст, когда уже давно все сроки прошли, и ты ищешь глаза партнера, а он весь погружен в бумажку – это меня нервирует и даже иногда бесит. А еще совершенно не выношу жлобства. Когда слышу в троллейбусе, трамваях или в метро вот этот скудный язык, просто зеленое. Хотя, скажу вам, с удовольствием играл вот такого жлоба в “Добряхках” Леонида Зорина. Очень мне нравилось играть перед зрителями эту историю, когда необразованный прохожимец стал директором института, окрутив начальство.

– Чем вас можно поставить в тупик?

– Предательством. Не выношу лжи. Когда понимаю, что меня, оказывается, просто использовали в какой-то ситуации, и что я по-настоящему-то как человек не был нужен, а нужны были мои связи, знакомства или мое положение в институте, где я преподаю (Ю.Н. Мажуга – профессор киевского театрального института, выпустил уже пять поколений профессиональных актеров), и что все сказанное и переговоренное было от начала и до конца корыстно – вот здесь я могу растеряться. Потом, конечно же, все проходит, и ты смиряешься с таким исходом. Но вот в тот момент, когда ты это понимаешь, – будто почва из-под ног уходит.

– А враги у вас есть?

– Ну (смеется), пока в меня не стреляли. Очень обидно за то поколение актеров, которое не понимает, что так устроена жизнь, и наша профессия в частности, когда сегодня ты, а завтра я. Ведь в том, что один актер, который вчера был на взлете, а сегодня у него остановка (может быть, из-за истощения творческих сил, или из-за возраста, неважно), а другой в это время начал двигаться вперед – нет ничего странного или необычного. Актеру всегда нужно быть готовым к повороту судьбы, всегда относиться к себе самокритично и самому честно оценивать свои работы и силы, а не подлизывать, что тебя подставили в театре, или пытаются занизить твой потенциал, твои возможности. У нас в театре старшее поколение играло “Старомодную комедию”, но прошло много лет с того времени, и теперь ее играем мы с Валерией Заклунной. Новый режиссер, новая трактовка. Так почему же наши товарищи перестали с нами здороваться? Ну что, мы теперь вообще не должны играть, потому что кто-то когда-то уже все сыграл? Вот это обижает и ставит в невыносимый тупик, потому что я не понимаю – почему? Где здесь здравый смысл? То есть умом я все понимаю, но до сих пор не могу прийти в себя от этого.

– Вы – строгий педагог?

– Да, меня бояться. Я ведь максималист (говоря это, вовсе не кичась), иногда сам понимаю, что мой максимализм – это и мой минус, но я держу учеников в “ежовых рукавицах”, потому что несусь за них ответственность. Но и люблю, знаю, насколько иногда артист нуждается в похвале, добром слове, поэтому моя политика – это полити-

ка “кнута и пряника”. Честно говоря, я думаю, что по большому счету я выбрал себе не ту профессию.

– Как так?

– Не ту. Я все чаще и чаще прихожу к выводу, что люблю строить. Делать что-нибудь руками. У меня есть дача, на которой очень люблю делать именно грубую работу: стелить дорожки, разгребать сугробы, что-то планировать, копать, чистить, убирать, приводить в порядок – люблю, чтобы все было чисто и красиво. И вы знаете, ведь не случайно в своей профессии больше всего на свете люблю именно репетицию, потому что она – трудная работа, она поиск. Люблю разбирать, докапываться – а почему? а что это? когда? Обожаю производить исследовательскую работу для пьесы или роли, люблю быть сыщиком. А когда я уже сыграл первую десятку спектаклей – угасаю, потому что главная работа сделана, остается только качественно повторять все, что найдено, остается дальнейший “прокат” спектакля.

– Чем вы себя выручаете в трудную минуту?

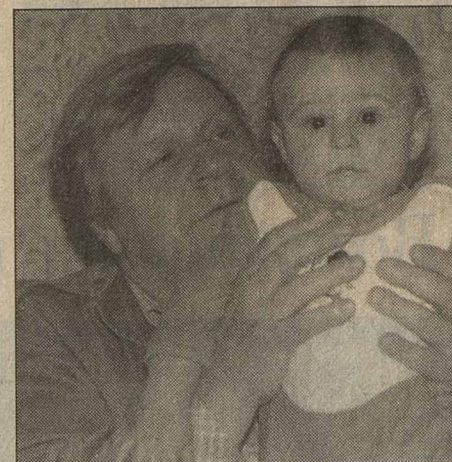
– Тем, что говорю себе: “Жизнь еще не закончилась”. Кто-то из купринских героев сказал: “Все пройдет, сестричка, все, пройдет и это”. У меня есть моя семья, моя работа, моя жизнь. И хоть я только что сказал, что работа, мол, у меня не та, но сменить-то ее уже не могу. Пытаюсь заработать тем, что умею делать. Даже не могу перейти на пенсию, потому что жить будет не на что, актерам ведь никогда не платили хорошо. Это только в кино можно было что-то зарабатывать.

– Как сложилась ваша личная жизнь?

– С женой мне просто повезло. По профессии Марина пианистка. Сейчас она доцент консерватории, по классу фортепиано. Она всегда первая читает сценарии и пьесы, которые мне предлагают, потом молчит, ждет, когда я прочту, и мне очень важно, что она скажет. Она всегда присутствует на черновых генеральных репетициях, советует мне, и никогда не ошибается. Она – светлый и радостный человек. Это я могу быть мрачным, нудеть и медленно тонуть в своем педантизме, уходить в себя, взять и уехать на дачу. А она только входит в дом и как будто солнце всходит. Сыну нашему, Алексею, 34 года, он – режиссер телевидения, ведет передачу “Невероятная реальность” о всяких невероятных вещах. Внуку Юре 6 лет – это наша радость, наше счастье. Помоему, тоже будет артистом (смеется) Юрием Мажугой. Сын говорит: “Не дай, Бог”, а невестке нравятся Юркины представления.

– Педагог вы строгий, а отец и дед?

– Отец я, наверное, совсем не строгий. Сына я поставил в угол только пару раз... Я ведь на гастроли все время ездил, все время в дороге, а когда дома, то приходил, когда он уже спал, а уходил, когда он еще спал. Поэтому, конечно же, сыном в основном занималась жена. На внука могу прикрикнуть, когда ест плохо. Однажды даже выбросил всю его тарелку в мусорное ведро, он так обиделся, такую выволочку мне устроил: “Ты что, дед, не мог спросить?!” А вообще у меня такой характер, что я, даже если и прав, то все равно потом, после какого-нибудь спора или разногласий, чувствую себя виноватым. И начинаю жутко переживать, и всегда сам иду на примирение. Чест-

но сказать, мы с женой настолько хорошо понимаем и знаем друг друга, что никаких серьезных ссор и конфликтов меж нами просто нет. Это раньше я очень любил покурлесить в “мальчишнике”, посидеть в ресторане, поговорить об искусстве. Мог задержаться, перебрать – вот этого она не выносила на дух, да и сам я давным-давно понял, что так можно быстро сойти “на нет”.

– Вы – коренной киевлянин?

– Да, я всю жизнь прожил в Киеве. Отец мой, Николай Тихонович Мажуга, был инженером-агрономелиоратором, работал и на партийных работах, был и директором большого одесского совхоза, и председателем райисполкома. Мама, Ольга Григорьевна, была педагогом младших классов по русскому языку и литературе. По папиной линии я украинец, а по маминной – поляк. Когда началась война, мне было 10 лет, из Киева мы эвакуировались в Алтайский край. А как только Киев освободили, сразу же вернулись домой, и въехали в абсолютно разрушенный город.

– Когда вы осознали, что хотите стать актером?

– Да я вовсе не хотел быть актером! Учась в школе, ощущал в себе огромную тягу к литературе, истории, писал сочинения в стихах. Хотел стать журналистом. Но в день подачи заявления в ВУЗы, я подал два: одно в Университет на филологический, другое – в театральный, ну, так на всякий случай, все-таки занимался в школьной самодеятельности. А так как экзамены в театральный всегда проходят раньше, то я совершенно спокойно (заветный же Университет был впереди) начал проходить тур за туром, сыграл “этюды”. “Ну, – думаю, – раз так дело пошло, раз у меня одни пятерки здесь, – зачем же мне идти еще куда-то?” Так и втянулся.

– Какой вы были в детстве?

– Вообще я был такой шептунный мальчишка. Однажды подставил подножку своему товарищу, и тот очень сильно ушиб колено о мраморный пол. Я дико испугался. Дома все время ждал, что вот сейчас раздастся звонок и вызовут меня и маму в школу. Ужасно боялся, что у него нога отнимется, и из-за меня он останется калекой на всю жизнь. Все обошлось, и мы потом дружили, но эти страх и потрясение я запомнил на всю жизнь. И еще помню, как под Новый год (мне было 6 лет) в дом уже принесли елку, а новогодние игрушки лежали в маминем саквояже. Она сказала, чтобы мы дождались ее прихода, и ничего не трогали, а я не утерпел, очень уж хотелось достать Деда Мороза – взял молоток и раскурочил оба замочка. Открыть не открыл, а замки привел в негодность – это был полный провал. Когда мама пришла и сказала: “А сейчас мы достанем Деда Мороза”, вот тут я залез под стол. Выволочка мне была потом знатная.

– Самое сильное потрясение в вашей жизни?

– Потеря близких – это всегда потрясение. У меня в трагическом одиночестве, из-за болезни умер мой старший брат. Это повлекло за собой смерть папы. Вскоре ушла и мама. У нас есть маленькая иконка, и под ней почти всегда горит свечка в их память. Вот до сих пор, сколько лет уже нет мамы, а я периодически про себя думаю: “Я же должен ей позвонить”.

Беседовала Наталья ВАСИНА